

Р. П. ДМИТРИЕВА

«Повесть о Петре и Февронии» в пересказе А. М. Ремизова

В литературе нового времени есть три случая обращения к древнерусской «Повести о Петре и Февронии». На основании текста этой повести создано переложение А. М. Ремизова «О Петре и Февронии муромских»; некоторые сюжетные данные повести использованы в либретто к опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии», написанном В. И. Бельским; вспоминает «Повесть о Петре и Февронии» И. А. Бунин в рассказе «Чистый понедельник».

Все эти произведения написаны писателями далеких друг от друга литературных направлений, и методы использования древнерусского произведения во всех трех случаях различные. В центре нашего внимания будет пересказ А. М. Ремизова, так как он целиком посвящен только этой повести. Обращения к повести В. И. Бельского и И. А. Бунина носят иной характер. Содержание древнерусской повести не является в них доминирующим, а служит только одним из элементов художественного построения нового произведения.

«Повесть о Петре и Февронии» Алексеем Михайловичем Ремизовым была написана в последние годы его жизни, в течение 1951 г. и осталась неопубликованной.¹ У А. М. Ремизова было свое глубоко обоснованное восприятие древнерусской повествовательной литературы. Древнерусская тематика в его творчестве занимает одно из ведущих мест: писатель хорошо знал древнерусские памятники, при этом не только литературно-повествовательного характера, но и произведения деловой письменности. Он высоко ценил творчество Аввакума.

Обращение А. М. Ремизова к древнерусским сюжетам, особенно в конце жизни, объясняется не только его давно установившейся любовью к прошлому России, к ее истории и литературе, к ее старинным религиозным обрядам. Жизнь писателя в Париже, особенно в последние годы, была одинокой, почти лишеной общения с внешней средой. Поэтому так остро его внимание было обращено к русскому прошлому. Он сам это ясно сознавал. В одном из своих писем от 5 сентября 1956 г. писатель жалуется: «Продолжаю мое ремесло, но искусства не чувствую: мое искусство растет из жизни. А моя жизнь в области предания. Заживо погребенный».² Ста-

¹ Авторский текст повести «О Петре и Февронии муромских» находится в парижском архиве А. М. Ремизова. Настоящая публикация подготовлена по машиннописному варианту этого текста с авторской правкой, полученному в дар от Н. В. Резниковой В. Н. Сергеевым (Москва). В. Н. Сергеев любезно предоставил этот текст для публикации в ТОДРА. По сведениям В. П. Сергеева, полученным от поэтессы С. Ю. Прегель, повесть готовилась к печати для сборника «Павым пером», издание которого не состоялось.

² Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов. Париж, 1959, стр. 229.

рые сюжеты давали Ремизову почву для размышлений и литературной деятельности. «Я живу чужой жизнью, но как будто сам живу: Tristan et Yseult»,³ — сказано им по поводу его работы над повестью о Тристане и Изольде.

Пересказы А. М. Ремизова древнерусских и вообще средневековых произведений построены на единых принципах. Через литературные сюжеты древнерусских повестей А. М. Ремизов старается передать свою какую-либо определенную мысль, которая, видимо, и побудила выбрать для творчества то или иное произведение. Так, в связи с работой над «Повестью о Стефаните и Ихнилате» он заметил: «Старинная русская повесть для меня не только пересказ, а выражение моих чувств, содержание повести для меня материал».⁴ Передавая тот или иной сюжет в своей обработке, он стремился обратить внимание читателя на главную поэтическую мысль, которая казалась ему до сих пор не замеченной. Так «Повесть о Савве Грудцыне» он старался передать как повесть о любви, которая не может существовать без жертв во имя этой любви.⁵ Повесть о Бове королевиче и легенды о Соломоне («Круг счастья») писатель воспринимает как героические повести.⁶

В тексты этих же повестей он иногда включает и свои воспоминания (так, воспоминания о Москве встречаются в «Тристане и Изольде»), и свои настоящие настроения и чувства, и обстоятельства жизни. Особенно характерна в этом отношении «Повесть о Стефаните и Ихнилате».⁷ В «Савве Грудцыне» и «Мелюзине», по словам самого А. М. Ремизова, он передает свою «нестерпимую боль разлуки».⁸

Эти интерполяции в тексте произведения в то же время являются и одним из приемов стиля писателя. Неожиданные ассоциации с современными условиями жизни в пересказах старинных повестей и сказаний он считал необходимым для передачи читателю лучшего понимания смысла произведения («перевод чужого понятия на современный язык»)⁹. Так, в рассказе о Соломоне и Китоврасе упоминается «распространенная иерусалимская газета», репортеры которой в своей информации «понесли вздор» о пребывании Китовраса во дворце Соломона.¹⁰ Или там же упомянут современный термин «нюдист»; о возвращении в Иерусалим экспедиции, которая ездила добывать чудесный камень, режущий стекло, сказано: «И на радостях не помнят, как нюдистами в город въехали».¹¹

Есть ассоциации с современностью и в «Повести о Петре и Февронии». В рассказе о посещении змеем княгини Ольги он пишет: «Она заметила, слуги, когда он сидит с ней, потупясь отходят или глядят, не глядя: мужу все позволено, но когда на людях, это как в метро в сос соседа».

Темы своих пересказов А. М. Ремизов выбирал, читая старые документы и современные исследования по истории и литературе. Прежде чем написать свой вариант рассказа, А. М. Ремизов обычно сравнивал разные

³ Там же, стр. 231.

⁴ Там же, стр. 113.

⁵ Там же, стр. 217.

⁶ Там же, стр. 115.

⁷ Подробнее об этом см. Я. С. Лурье. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнилат». — Русская литература, 1966, № 4, Л., стр. 176—179.

⁸ Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, стр. 254—255.

⁹ Там же, стр. 131—132.

¹⁰ «Забегали эпитомоторы из распространенной иерусалимской газеты получить информацию, но со страху — такой понесли вздор — куроплет больше не велел пускать» (Алексей Р е м и з о в. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне. 1877—1957. Изд. «Оп-лешник», Париж, 1957, стр. 48).

¹¹ Алексей Р е м и з о в. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне, стр. 53.

редакции произведения, читал научные исследования, посвященные данному памятнику. Создавая свой вариант рассказа, он включал иногда отдельные детали из разных редакций, иногда вносил добавления от себя. При работе над текстом он учитывал и выводы научных исследований, с которыми не всегда соглашался. «Среди материалов я искал народную мудрость: доука русского народа, его обдумывание и ответы на вопросы жизни. И балагурье. . . Видеть смешное, как и горькое, два моих зрения».¹² Так говорил он сам об интересующих его проблемах. Действительно темы пересказов, выбранные А. М. Ремизовым, часто стоят близко к народным легендам и сказаниям. На основании апокрифических сказаний о царе Соломоне им написан «Круг счастья». Близок этому произведению и цикл повестей о Николе.¹³ Связь со сказкой привлекает его внимание в повестях о Соломонии, Мелюзине и Бове королевиче.¹⁴

Обращение А. М. Ремизова к «Повести о Петре и Февронии» также определено близостью этого произведения сказочной основе. Как будет видно далее из сопоставления оригинала «Повести о Петре и Февронии» с пересказом ее у А. М. Ремизова, он стремился в своем варианте передать содержание «Повести» наиболее близко к ее источникам — народным рассказам. В записях А. М. Ремизова о его работе над сказочными сюжетами говорится, что «пересказ никогда не оттиск, а воспроизведение протооригинала очевидца».¹⁵

В письме от 9 сентября 1951 г. А. М. Ремизов сообщает о своей работе над «Повестью о Петре и Февронии»: «Кончил IV редакцию о Петре и Февронии Муромских (1228). Тема: неразлучная любовь».¹⁶ Однако эта идея древнерусской повести в пересказе А. М. Ремизова не оказалась главенствующей. Основное внимание А. М. Ремизова оказалось отвлеченным другими мотивами сюжета. Его больше всего заинтересовала сказочная основа повести. А. М. Ремизов очись любит сказку. Эта любовь его к сказке, начиная с детства, прошла через всю жизнь, отразилась на всех этапах его творчества. Древнерусский писатель ставил главной задачей своей повести рассказать о трудной и необычной судьбе крестьянской девушки, которая не только умела завоевать любовь князя, но и сохранить ее на всю жизнь. Все эпизоды повести подчинены передаче этой мысли, все действия и диалоги приведены для ее доказательства. А. М. Ремизов в своем переложении повести сосредоточивает внимание на ином — его интересует больше всего развитие сказочного сюжета и характеры героев сказки, которыми определяются их поступки.

М. О. Скрипиль в своем исследовании «Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке», сопоставляя сюжетные данные «Повести» со сказкой, пришел к выводу, что автор «Повести о Петре и Февронии» использовал два сказочных мотива, которые в фольклоре имеют распространение как два самостоятельных сюжета.¹⁷

Первый сюжет посвящен сказочной теме об огненном летающем змее. Автор древнерусской повести использует его только как вступление

¹² Наталья Кодрянская. Алексей Ремизов, стр. 116

¹³ Алексей Ремизов. Звенигород Окликаный. Николины притчи. Изд. «Алатас». Нью-Йорк—Париж—Рига—Харбин, 1924.

¹⁴ Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония. Изд. «Оплешник», Париж, 1951; Милюзина и Брунцвик. Изд. «Оплешник», Париж, 1952; Тристан и Исольда. Бова Королевич. Изд. «Оплешник», Париж, 1957.

¹⁵ Наталья Кодрянская. Алексей Ремизов, стр. 132.

¹⁶ Там же, стр. 237.

¹⁷ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 138.

к основной части рассказа, связанного с другим сказочным сюжетом. Тема об огненном летающем змее в повести передана кратко и лаконично. Автор не акцентирует внимания на любовных переживаниях княгини. Наиболее подробно с диалогами описана только сцена узнавания князем Петром змея, который предстает перед ним в облике родного брата Павла. Автор подчеркивает драматизм положения Петра, вступившего в единоборство со змеем, имеющим облик его брата. Собственно только эта сцена и важна автору повести для дальнейшого изложения.

В своем переложении А. М. Ремизов эту первую часть повести значительно расширил. Он не только внес мелкие подробности и детали, но и, значительно разработав, включил в повесть как центральную тему этой части произведения — тему любовных отношений жены князя Павла Ольги и змея (в древнерусском тексте «Повести» жена князя Павла по имени не называется). Эта часть древнерусской повести послужила для А. М. Ремизова как бы конспектом, на основании которого им написан пространный рассказ о трагедии жены князя Павла.

При описании любовной драмы княгини Ольги А. М. Ремизов использует некоторые данные, взятые из народных сказочных произведений с сюжетом об огненном летающем змее. Прежде всего о самом огненном летающем змее. А. М. Ремизов разделяет концепцию М. О. Скрипиля о различии между драконом церковной литературы и змеем народных легенд, о котором идет речь в «Повести о Петре и Февронии».¹⁸ В одном из своих писем А. М. Ремизов пишет: «В „Февронии“ спутали (имеются в виду исследователи, — Р. Д.) змия (огненный с белыми крыльями) со змеем — драконом (зеленые крылья, не огненный, а упругий)».¹⁹ В пересказе «Повести» А. М. Ремизовым неоднократно упоминается о внешнем облике змея. Два раза в самом тексте повести А. М. Ремизов подчеркивает разницу между драконом и огненным змеем: 1) «Огненный Змей летит на тоску. Белые крылья, зеленые у Дракона и сам как листья зеленый, Егорий Храбрый его на иконах в брюхо копьем проткнул»; 2) «огненный Змей не Дракон, копьем в брюхо не пырнешь». В описании внешнего облика змея А. М. Ремизов не добавляет подробностей от себя, он основывается только на данных народных легенд, отразившихся и в летописных записях о знаменьях.²⁰ Характеристика внешнего облика змея у А. М. Ремизова такая же лаконичная, как и в сказках, но она неоднократно повторяется — «белые крылья», «летающий», «огненный», «кольчатый».

Дополнительные детали для развития конфликта романтической темы также взяты А. М. Ремизовым из сказочного сюжета о посещении змеем женщины, тоскующей в разлуке со своим мужем. Приведем начало одной сказки: «Слыхали вы о Змее Змеевиче? Ежели слыхали, так вы знаете, каков он и видом и делом; а если нет, так я расскажу о нем сказку, как он, скинувшись молодым молодцом, удалым удалцом, хаживал к княгине-красавице... А супруг ее князь-княжевич Иван Королевич, по обычаю царскому, дворянскому, занимался охотой».²¹ В пересказе А. М. Ремизова о князе Павле говорится как о зверолове, который большую часть

¹⁸ Там же, стр. 140; М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии и эпические песни южных славян об огненном змее. — Научный бюллетень Ленингр. гос. ордена Ленина универс., 1946, № 11—12, стр. 36.

¹⁹ Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, стр. 232.

²⁰ Упоминания об огненном летающем змее в легендах и летописях приведены в статье М. О. Скрипиля «Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке», стр. 140—143.

²¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. 2. М., 1957, № 205. (Далее: Афанасьев).

времени проводит на охоте. К жене своей он равнодушен, подчас даже груб. Сюжетная связь сказки и пересказа А. М. Ремизова очевидна.

К этому следует добавить, что в данном случае А. М. Ремизов не оригинален. Дело в том, что в записи устной легенды о Петре и Февронии, сделанной в третьей четверти XIX в. В. Соколовским, тоже говорится о брате Петра — Павле, что он «был охотником с самых молодых лет, и все свое время проводил в поле и в лесу, гоняясь за зверями и птицами». Он редко видел свою жену, которая «запершись в своем тереме, и плакала и роптала на скучную свою, забытую всеми молодость».²²

В конце концов не столь важно, под влиянием какого источника А. М. Ремизов развивает свое повествование о запретной любви княгини Ольги. Существенным является то, что А. М. Ремизов, выполняя свою задачу «воспроизведения протооригинала очевидца», не сочиняет, а обращается к русской народной сказке. Развитие сюжета первой части пересказа А. М. Ремизова задано и определено традиционными элементами сказки о посещении змеем обольщенной им женщины.

Дальнейшее изложение хода событий, связанных с судьбой жены князя Павла, у А. М. Ремизова значительно отличается от древнерусской повести. В «Повести о Петре и Февронии» развитие сюжета идет согласно тому типу сказки, в которой рассказывается о посещении змеем женщины против ее воли. Княгиня в древнерусской повести сама сообщает князю о посещении ее змеем. Этот же вариант изложен в упомянутой выше легенде, записанной В. Соколовским. Здесь только княгиня открывается не самому князю, а его брату Петру. Для княгини все кончается благополучно: змей гибнет от меча князя Петра, княгиня сохраняет расположение мужа.

А. М. Ремизов этой части повествования придал сложную драматическую ситуацию. Княгиня Ольга испытывает чувство любви к змею, при этом сознает преступность своего влечения к нему. Она боится своего мужа и признается ему в посещении ее змеем вопреки своему желанию («На отлете птиц он вспомнил о своей голосистой и нежданный показался в горнице Ольги. Ужас обуял ее при виде мужа. И, как на духу, она во всем призналась. Слово ее потрескивая горело: ветка любви и горькая ветвь измены»). Она не хочет гибели змея и выведывает у него, как его можно погубить, только под напором грубой требовательности князя Павла («Я спрошу, говорит она безразлично, и черные кольца катятся из ее глаз»). Борьба со змеем кончается для княгини трагично — она погибает вместе с ним. Такая развязка является закономерной. А. М. Ремизов остается верен сюжетной схеме сказки. В сказке, в которой повествуется о связи женщины со змеем по взаимной любви, обычно женщина погибает, как погибает и змей.²³

В сказке гибель героини в такой ситуации не вызывает сожаления ни у рассказчика, ни у читателя. А. М. Ремизов так же трактует это событие, он пишет: «Муромский летописец запишет, теперь всем известно: жена князя Павла Ольга, к которой прилетал огненный летучий Змей, захлебнулась змеиной кровью, а князь Петр, змеесборец, от брызнувшей на него крови весь оволдырил, как от ожога. Говорили, что волдыри пошли по телу от испугу и от испугу саданул Петр Ольгу. Так думал

²² В. Соколовский. Народные предания о жизни преподобных муромских Петра и Февронии. — «Странник», 1865, сентябрь, стр. 88. М. О. Скрипиль считает, что в основе этой легенды лежит «Повесть о Петре и Февронии», которая обращалась в устной передаче среди местного муромского духовенства и мещан (М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке, стр. 155).

²³ Афанасьев, №№ 204, 205, 209.

и Павел, но брату не выговаривал „чего, де бабу укокошил“, как между бояр говорилось с подмигом. Павел был доволен, что Петру она под руку попалась: какая она ему жена — змеиная!».

Эта первая часть повести, посвященная сюжету о змее, в связи с изложенными выше некоторыми изменениями по сравнению с оригиналом, в пересказе А. М. Ремизова приобрела новые диалоги и подробности. Все они посвящены взаимоотношениям князя Павла и княгини Ольги.

Та часть «Повести», в которой рассказывается история женитьбы князя Петра на Февронии, в значительно меньшей степени подверглась изменениям как в передаче сюжета в целом, так и в переложении текста оригинала. Но все же трактовка содержания и этой части произведения в передаче А. М. Ремизова несколько отличается от трактовки темы древнерусским автором.

В обе части произведения А. М. Ремизовым включены моменты, усиливающие психологическое объяснение поступков героев. Это достигается при помощи разработки характеров действующих лиц. Относительно оригинала повести можно говорить по существу только о Февронии как о героине с определенно развернутым характером. В какой-то степени намечен характер князя Петра. Об остальных персонажах ничего определенного сказать нельзя.

А. М. Ремизова привлекают характеры героев. Во многих случаях характер героя оказывается одним из элементов, определяющих развитие сюжета. В горькой судьбе княгини Ольги значительную роль сыграл характер мужа. Князь Павел в «Повести» А. М. Ремизова властный и грубый человек с ограниченным кругом интересов, все внимание его поглощено охотой. Такой тип героя не свойствен древнерусской литературе. Его биографические данные определены сказкой, в целом же он скорее стоит ближе к типу феодала в исторических романах нового времени, посвященных средневековью.

Более определен А. М. Ремизовым характер князя Петра. Судя по оригиналу повести, можно говорить о некоторой слабохарактерности Петра, но это в оригинале отнюдь не подчеркивается, князь Петр просто несколько инертен в своих поступках. А. М. Ремизов наделяет его чертами безвольного, кроткого и мягкого человека: «А был Петр не в Павла, не скажешь охотник, да ему и птицу вспугнуть духу не хватит, пугливый и кроткий. У бояр на смётке: помрет Павел, уж как под Петром будет вольготно — каждый сам себе князь!». Единственный раз, когда он проявляет решимость, это в борьбе против змея, чтобы защитить брата.

Такая трактовка характера князя Петра обусловлена в какой-то степени целью оттенить характер и поведение главной героини повести. Как в развитии сюжета первой части повести, так и в рассказе о Февронии А. М. Ремизов преследует ту же задачу — вернуть повесть к ее первооригиналу — народной сказке. Отношение А. М. Ремизова к главной героине и восприятие ее поступков не совпадает с теми чертами, которыми наделяет Февронию автор древнерусской повести. Тихая Феврония древнерусской повести А. М. Ремизову не по душе, он ее отвергает. О том, какой ее хотел видеть А. М. Ремизов в своем пересказе, можно судить по его письмам. В письме от 10 марта 1952 г. он вскользь замечает: «Феврония означает Трясавица — лихорадка».²⁴ Во время работы над повестью А. М. Ремизов

²⁴ Наталья К о д р я н с к а я. Алексей Ремизов, стр. 248—249. В словарях даются следующие объяснения слова «трясавица—лихорадка»: 1) лихорадка от «лихоманча „плутовка, обманщица“» (М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 505); 2) «Одна из двенадцати сестер Иродовых, коим народ дал

жаловался на трудности по созданию облика Февронии, который ему хотелось донести до читателя: «Мне не нравится моя Феврония, в ней я не слышу визга боли, она „мудрая“, а значит спокойная, а ведь мне надо, чтобы человек от тоски загрыз землю, это мое. У Февронии есть гнев и магия, но какая же во мне магия, и поэтому выходит формально (словесно)». ²⁵ А. М. Ремизову хотелось показать Февронию колдуньей. Он наделяет ее чертами, свойственными сказочной героине. В пересказе А. М. Ремизова Феврония сильная, властная, решительная и гневливая.

А. М. Ремизов в самом повествовании неоднократно упоминает о том, что Феврония «ведьма». Конфликт между боярами и Февронией возникает не столько из-за ее крестьянского происхождения, сколько из-за власти ее характера. Главная причина недовольства бояр и их жен Февронией в пересказе А. М. Ремизова заключается в том, что она «ведьма». В начале повествования о княжении Петра имются такие слова: «Когда Петр стал муромским князем, поднялся ропот: „женился на ведьме!“ Всякому било в глаза, по кличке Петр муромский князь, а княжит над Муромом „ведьма“». Чтобы усилить впечатление читателя о связи Февронии со сказочным образом колдуньи, А. М. Ремизов вводит повторение темы с хлебными крошками. По рассказу А. М. Ремизова на обеде во время спора с боярами Феврония решила показать свою силу колдуньи. Она собрала со стола и подбросила в воздух крошки, которые рассыпались золотом, серебром, драгоценными камнями. Сцена кончается энергичным описанием гнева Февронии: «Вашим женам, пускай себе великанюются. А вам — глаза ее вдруг вспыхнули, загорелись и горели, не переглядеть и рысь зажмурится, не солнечный огонь, а преисподний огонь: будьте вы прокляты! Не болить вам, не менить». Безусловно этот эпизод написан по сказочным мотивам о мудрой вещице женщине. ²⁶ Последняя фраза «Не болить вам, не менить» заимствована А. М. Ремизовым из записи устной легенды о Февронии, сделанной в деревне Ласкове в 1921 г. ²⁷

Черты, свойственные ведьме, сохраняют за Февронией А. М. Ремизов и при описании соединения Петра и Февронии после смерти. Автор древнерусской повести об этом спокойно сообщает: «И паки же на утрии обретшеся святии въ едином гробе». А. М. Ремизов и в данном случае стремится вернуть произведение сказке. Феврония и после смерти остается сильной, активной и гневной. Из монастыря Воздвиженья, где Февронию похоронили, она возвращается в Муром в собор Рождества Богородицы так, как полагается сказочной колдунье — «Дорога до города из Воздвиженья вшибь и выворачивало — неуспокоенная, выбила Феврония крышку гроба, поднялась грозой и летела в Собор к Петру». Так же как и в сказке, это событие происходит в полночь («И к полночи загремело»). В народной сказке эпизод с колдуньей или ведьмой, встающей из гроба, традиционен. ²⁸ А. М. Ремизов придерживается этой традиции.

названия: лихорадка, лихоманка, трясуха ... трясавица» (В. Даль. Толковый словарь, т. II, М., 1955, стр. 258).

²⁵ Наталья Кольрянская. Алексей Ремизов, стр. 234.

²⁶ См.: П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, стр. 146. П. В. Владимиров считает, что эпизод повести с хлебными крошками основан на этом сказочном сюжете.

²⁷ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке, стр. 156.

²⁸ Ср., например, в сказке № 367 по Афанасьеву («Наступила полночь — дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала»). Близки к этому и другие сказки: Афанасьев, № 366; И. А. Худяков. Великорусские сказки, вып. 1, М., 1860, №№ 11 и 12; вып. 3, СПб., 1862, №№ 91 и 104; Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. — Записки Русск. геогр. общ., по отдел. этногр., т. XII, СПб., 1884, № 104; Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1909, № 152;

Таким образом, в трактовке характера главной героини А. М. Ремизов, отступая от оригинала повести, старается приблизить ее к народно-сказочным персонажам. Однако следует заметить, что первая часть рассказа, посвященная Февронии, и в древнерусском оригинале следует сказочному сюжету о мудрой девушке, вышедшей замуж за царевича или князя. Во второй части (о жизни Февронии в замужестве) автор древнерусского текста продолжает свою мысль о мудрости Февронии, уже независимо от сказки. Благодаря уму и такту Феврония на протяжении всей жизни сохраняет любовь Петра.

А. М. Ремизов в первую часть повествования о Февронии (т. е. и в оригинале, построенном на сказочной основе) по существу ничего нового не вносит. Эта часть менее всего подверглась изменениям. Властность характера Февронии и силу ее в борьбе с боярами А. М. Ремизов показывает в той части повести, где говорится о Февронии уже как о княгине. Именно в этой части повести А. М. Ремизов наделяет ее чертами, свойственными колдунье народных сказок.

Трактуя образ Февронии как властной женщины, владеющей чарами колдуньи, А. М. Ремизов тем самым снял с нее те немногие черты, по которым ее следовало бы причислить к лику почитаемых церковью святых. Это в пересказе А. М. Ремизова до какой-то степени выполняет введенный им новый персонаж — мальчик по прозвищу Ласка. У А. М. Ремизова было свое глубоко обоснованное творческое восприятие древнерусской повествовательной литературы, ни в коей мере не связанное с влиянием картин М. В. Нестерова с древнерусской тематикой. Тем не менее, для того чтобы читатель получил ясное представление о новом персонаже повести, А. М. Ремизов в самом тексте рассказа заметил: «Таким представится Нестерову Радонежский отрок в березовом лесу под свежей веткой, руки крепко сжаты, в глазах лазурь, подыметесь с земли и улетит». Имеется в виду картина Нестерова «Видение отроку Варфоломею». И действительно, этот описанный А. М. Ремизовым беспризорный мальчик Ласка очень близок к трактовке Нестеровым «лучшего человека древних лет Руси, чуткого к природе и ее красоте, по-своему любившего родину и по-своему стремившегося к правде».²⁹ Это значит, что художественное осмысление Нестеровым древнерусской тематики импонировало А. М. Ремизову. По-видимому, в некоторых случаях произведения Нестерова могли бы служить иллюстрацией образов, передаваемых А. М. Ремизовым.

Среди дополнений, внесенных А. М. Ремизовым в ткань повести, следует отметить описание поисков Агрикова меча и домыслы о его происхождении. Перечисленные в повести варианты о происхождении названия Агрикова меча даны как припоминания старожил. В этих припоминаниях перечислены былинный герой Илья Муромец, два брата Агрикана, Добрыня. Любопытно то, что эти дополнения А. М. Ремизовым были внесены на основании его знакомства со статьей М. О. Скрипиля «„Повесть о Петре и Февронии муромских“ в ее отношении к русской сказке».³⁰ Научные наблюдения М. О. Скрипиля А. М. Ремизов использует в своей повести и в некоторых других случаях. Из изложенного видно, что А. М. Реми-

Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. — Записки Русск. геогр. общ. по отдел. этногр., т. XLI, Пгр., 1914, № 29; А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, вып. 1. — Записки Русск. геогр. общ. по отдел. этногр., т. XLIV, Пгр., 1917, №№ 39 и 51.

²⁹ Цитирую слова Нестерова по кн.: С. Дурыйлин. Нестеров в жизни и творчестве. М., 1965, стр. 192—193.

³⁰ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке, стр. 161

зов изменяет текст и делает вставки очень обдуманно и осторожно, вплоть до самых мелочей. Так, в его пересказе говорится о Воеводской горе. Действительно, собор Рождества Богородицы расположен на самой высокой горе в Муроме, которая носит это название.

Подведем некоторые итоги. О Петре и Февронии А. М. Ремизов написал рассказ, который не является идентичным его древнерусскому варианту. В результате внесенных изменений А. М. Ремизов несколько отклонился от передачи основной мысли автора древнерусской повести. Заключительные поэтические слова пересказа А. М. Ремизова о «неразлучной любви» («И всякий раз на Москве, в день их смерти, Петра и Февронии, на литии лебедь-колокол разносил весть из Кремля по русской земле о неразлучной любви, человеческой волей нерасторжимой») не звучат как заключительный аккорд повествования, объединенного единой мыслью. Гармонию нарушают некоторые отступления. Она нарушена введением некоторых подробностей в первую часть, в связи с внесенной переменной характера Февронии изменилось и звучание рассказа в конце повести. В передаче некоторых эпизодов Феврония несколько огрублена. Она показывает недовольство отказом князя Петра жениться на ней, в княжестве и в доме забрала власть в свои руки. Уезжая из Мурома, она посылает проклятья боярам, открыто командует князем. В результате остается чувство, что Феврония не столько стремится сохранить любовь князя Петра, сколько воюет за власть.

Я проследила изменения сюжета этой повести у А. М. Ремизова по сравнению с ее древнерусским оригиналом. Пересказ А. М. Ремизова древнерусской повести не является просто переводом на современный язык. Используя сюжет древнерусской повести, он создал свое произведение с отклонениями от оригинала и в содержании и в стиле. А. М. Ремизов не почувствовал художественного колорита повествовательной литературы XV в. В его произведении большое место заняла внешняя декоративность. Привнесение в произведение стилизации с использованием фольклорных приемов повествования закрыло для читателя доступ к художественной манере автора XV в.

А. М. Ремизов ухватился за имевшиеся в древнерусской повести фольклорные мотивы и развил их. Такое отношение к фольклору для передачи произведения XVII в. было бы созвучно с художественными приемами того времени. Для более раннего времени связь литературных произведений с фольклором носит иной характер. Об этом в статье Д. С. Лихачева «К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе» сказано следующее: «Между фольклорностью отдельных пассажей в старшей летописи, отдельных пассажей в Повести о разорении Рязани, фольклорностью основы Повести о Петре и Февронии, с одной стороны, и фольклорностью Повести о Горе-Злочастии, отдельных произведений демократической сатиры XVII в. или песен Квашнина-Самарина — с другой, есть принципиальное различие. Последние произведения стремятся последовательно (в меру своих возможностей) выдержать фольклорный стиль, отчетливо ощущают жанр фольклорных произведений. Летопись же, Повесть о разорении Рязани и другие произведения старой поры сознательно используют лишь факты из фольклорных произведений, стиль же фольклорных произведений проникает в книжность вместе с фактами либо стихийно, либо постольку, поскольку он не вступал в резкое противоречие с книжными жанрами».³¹

³¹ Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. Русская литература, Л., 1958, № 2, стр. 11.

Для древнерусской «Повести о Петре и Февронии» как раз характерен не приход к фольклору, а уход от него. Древнерусский автор использует отдельные элементы фольклорных сюжетов, но они подчинены строгому художественному построению, развивающему главную мысль произведения о превосходстве ума и благородства героини — человека, лишенного и политической и сословной силы.³² А. М. Ремизов не ощутил этой особенности древнерусской повести, или, во всяком случае, не старался ее сохранить. Вернее, он ставил перед собой художественную задачу, противоположную задаче автора древнерусской повести. А. М. Ремизов сознательно стремился воссоздать в полнокровном виде тот фольклорный сюжет, от которого, по его мнению, отталкивался древнерусский писатель. Поэтому он и вернул Февронию народной хитрости. В «Письме в редакцию», опубликованном в 1909 г. в журнале «Золотое руно», А. М. Ремизов изложил задачи и приемы своего творчества при обращении к фольклорным мотивам. В этом письме говорится о двух задачах: 1) воссоздание народного мифа, 2) написание своего художественного пересказа на основании конкретного сохранившегося текста. Работа над «Повестью о Петре и Февронии» относится к решению второй задачи: «Во втором случае, — при художественном пересказе, когда по сличению всех имеющихся налицо вариантов какой-нибудь народной сказки материалом является облюбованный, строго ограниченный текст, все сводится к самой широкой амплификации, т. е. к развитию в избранном тексте подробностей или к дополнению к этому тексту, чтобы в конце концов дать сказку в ее возможно идеальном виде. Что и как прибавить или развить и в какой мере дословно сохранить облюбованный текст, в этом вся хитрость и мастерство художника».³³ Именно этих принципов творчества и придерживался А. М. Ремизов, создавая свой вариант «Повести о Петре и Февронии».

Стремясь приблизить повесть к ее сказочной основе, А. М. Ремизов создал свое произведение, по стилю изложения приближающееся к сказу. Едва ли к А. М. Ремизову стоит предъявлять претензии, что это произведение написано им в стиле и манере других его сказов, основанных на древнерусской тематике и народных преданиях. Большинство из них связано с литературой XVII в., тенденцию и стиль которых А. М. Ремизов хорошо чувствовал и понимал. Эту ремизовскую манеру надо изучать в сопоставлении всех его произведений этого цикла. В них есть и мудрость, и грусть, и ирония, и даже некоторое озорство.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ *

Муром город в русской земле, на Окс. Левый высокий берег. И как плыть из Болгар с Волги, издалека в глаза белыми цветами земляники, из сини леса, церкви. На Воеводской горе каменный белый собор Рождества

³² Мысли о наличии декоративности в ремизовских пересказах и об идее древнерусской повести о том, что слабое существо оказывается самым сильным, подсказаны мне Д. С. Лихачевым во время обсуждения данной статьи на заседании Сектора древнерусской литературы.

³³ А. Ремизов. Письмо в редакцию. 29-го августа 1909 г. — Золотое руно, 1909, № 7—9, стр. 147.

* Орфография и пунктуация А. М. Ремизова в ряде случаев не соответствует общепринятым грамматическим правилам. Однако писатель в публикуемых прижизненно произведениях всегда обращал внимание на точность передачи в изданиях особенностей своих написаний и своего синтаксиса. Поэтому, располагая машинописным текстом публикуемой повести с авторской правкой, редакция ТОДРА сочла необходимым воспроиз-

Богородицы, за городом женский монастырь Воздвижение. Городом управлял муромский князь Павел. К его жене Ольге прилетает огненный летучий Змей.

I

Как это случилось, Ольге не в разум. Помнит, что задремала, блеск прорезал ее мутный сон, она очнулась и в глазах кольцом жарко вьется и крылом к ней — горячо обнял, и она видит белые крылья и что с лица он Павел.

Всем нечувством она чувствует и говорит себе: «не Павел», но ей не страшно. И это не во сне — не мечта: на ней его след и губы влажны. А когда он ее покинет, она не приберется — так и заснет, не помня себя. День — ожидание ночи. Но откуда такая тоска? Или любить и боль неразрывны? Или это проклятие всякого сметь?

А вот и среди дня: она узнала его по шуршу крыльев и как обрадовалась. И весь день он ее томил. И с этих пор всякий день он с ней.

Видит ли его кто, как она его видела или для них он другой — Павел?

Она заметила, слуги, когда он сидит с ней, потупясь отходят или глядят, не глядя: мужу все позволено, но когда на людях, это как в метро в сос соседа.

И у всех на глазах с каждым днем она тает.

Постельничий докладывает князю:

— С княгиней неладно: день ото дня, как вешний снег. . .

Павел ответил:

— Кормите вдоволь.

Павел зверолов: поле милее дому. Простые люди живут тесно, а князья — из горницы в горницу дверей не найдешь: муж у себя, жена на своей половине, муж входит к жене, когда ему любо, а жена ни на шаг.

На отлете птиц он вспомнил о своей голосистой и неожиданной показался в горнице Ольги. Ужас обуял ее при виде мужа. И, как на духу, она во всем призналась. Слово ее потряскавая горело: ветка любви и горькая ветвь измены.

Павел смутился: огненный змей, известно, прилетает ко вдовам, но к мужней жене не слышать было.

— И давно это?

— На Красную Горку.

И он вспоминает: в последний раз он был у нее на Святой, стало быть, после.

— И вы это делаете?

Она вскинула глаза — чиста! и виновато потушилась.

— Да ведь это большой грех.

И на слово «грех» она вздрогнула от клокота ответных слов — и голос пропал.

— Надо принять меры, сказал он не своим голосом глухо и без слов грозно, так — что рука поднялась, но не ударила.

Досадуя, вышел.

Не звери и птицы, которые звери рыскали и птицы порхали в его охотничьих мыслях, огненный Змей кольчатый шуршал белыми крыльями.

известии этот текст, не изменяя его в соответствии с правилами современной грамматики и не вводя орфографического и синтаксического единообразия внутри самого текста. Такая публикация еще не издававшегося произведения даст возможность исследователям творчества А. М. Ремизова располагать текстом этого произведения со всеми присущими ему оригинальными чертами, важными для изучения своеобразного языка этого писателя и ритмики его прозы. — *Ред.*

«С чего бы?» — и ему жалко: плохо кончит. Зверю от рогатины не уйти, и на птиц есть силки, но чем возьмешь Змея? И он видит ее и Змея, и все в нем кричит зверем: как ты могла допустить себя до такого? — но себя он ни в чем не винит: он зверолов, свалит медведя.

* * *

В Муроме ходил беспризорный, звали его Ласка — Алексеем. Таким представится Нестерову Радонежский отрок в березовом лесу под свежей веткой, руки крепко сжаты, в глазах лазурь, подыметя с земли и улетит. Ласка глядит сквозь лазурь из души, ровно б у него глубже еще глаза, а скажет, большому не в сказ — такое растет среди лесов на русской земле. Мимо не пройдешь не окликнув: Ласка! А какие он сказывал сказки, и откуда слова берутся! про зверей, о птицах лесовое, скрытое от глаз, и о чудесах и знамениях о звездах. Летом — лес; зима — Воздвиженские монашки присматривают. Бывал и в кремле на княжеском дворе: Ольга любила слушать, как он рассказывает, от него она знает о Змее — огненный летучий. Змей, бумажные крылья — чудесная сказка!

Павел встретил Ласку в лесу.

«Божий человек, подумал Павел, спрошу о жене».

— Надо ей на волю, сказал Ласка, она у тебя в темнице. Ты ее возьми с собой.

— Не в обычай, сказал Павел, да ей и дома не на что жаловаться: сад у ней и пруд, бобры и лебеди.

— Воли нет.

— А что ты знаешь о огненном Змее.

— Огненный Змей летит на тоску. Белые крылья, зеленые у Дракона и сам как листья зеленый, Егорий Храбрый его на иконах в брюхо копьем проткнул.

— А на огненного — где его смерть?

— Откуда мне знать! Пускай сам скажет.

Прямо с охоты, не заходя к себе, Павел незаметно в горницу к Ольге. Она сидела расставив ноги и улыбалась, а глаза наполнялись слезами. И вдруг увидев Павла, поднялась, дрожа.

Павел посмотрел на нее гадливо.

— Перестань, слушай. С этим надо покопчить. Дойдет до людей, ославят: жена путается со Змеем. Один человек мне сказал, огненный Змей не Дракон, копьем в брюхо не пырнешь, а сам он тебе скажет, откуда ждать ему свою смерть. Слышишь. Ты подластишься к нему и выпытай: от чего тебе смерть приключится?

Она слушала, озираясь: она искала глазами другого Павла, которого не боится.

— Большой грех. И я за тебя отвечаю перед Богом.

— Я спрошу, говорит она безразлично и черные кольца катятся из ее глаз.

* * *

На другой день канун Рождества Богородицы — муромский престольный праздник. Ко всенощной он ей не велел, а пошел один в Собор. Он думал о ней с омерзением и нетерпеливо ждал ответ. Он видел ее, как она ластится, выпытывая — и закрывал глаза, передыхая и потом тупо молился, прося защиты: он ни в чем не виновен. И на утро, отстояв обедню, не мог утерпеть и сейчас же к Ольге. После огненной ночи — и это под такой

праздник! — она крепко спала. Грубо растолкал. Она таращила глаза перекатывая белками: верить и обозналась — который Павел?

— Что он сказал?

Она поняла и, по-птичьи раздирая рот — слова бились на языке, но не складывались, мучая.

— Что он сказал? — повторил Павел.

И она закусив губы ответила нутром, раздельно приглушенным, не своим, посторонним голосом, рифмуя:

— Смерть — моя —

от Петрова плеча
Агрикова меча.

Павел вошел гордо: он знает тайну смерти — но что значит «Агрик» — Агриков меч? он не знает. И имя Агрик вкогтилось в его змеиную мысль, притушив кольчатый огонь летучего Змея.

* * *

О Агрике жила память в Муроме.

Старожильцы памятуя сказали: «Знаем, помним, за сто лет от отцов слышно: проходил из Новгорода в Мурому Агрик и брат его Рюрик». А о мече — который карлик Котопа сковал меч, точно не сказали, уверяя на Крапиву. А Крапива ничего не помнит.

Другие вспоминали Илью, свой — муромский, богатырскую заставу — на заставе, помнится, среди русских богатырей, стояли два брата — Агриканы — оба кривые: один глядит по сю, другой по ту.

Когда всех богатырей перебили и остался один Агрикан, собрал мечи и сложил в пещере, а свой Агриков, в свой час, вручил Добрыне.

Третьи знахари сказали:

«Точно, к Добрыне в руки попал Агриков меч. Этим мечом он вышиб душу Тугарина Змеевича. И в свой час замуровал меч: явится в русской земле богатырь, откроется ему меч. А где замурован, кто ж его знает». И эти своротили на Крапиву, а Крапива впервой: Агриков меч! Не дай Бог прослыть знающим: затормошат и потом на тебя же в тебе.

Агриков меч есть, но где этот богатырь кому владеть?

* * *

Был у Павла брат Петр. На Петра и Павла именины в последний птичий пев, когда в песнях колыбеля припевают: «ой ладо».

А был Петр не в Павла, не скажешь охотник, да ему и птицу вспугнуть духу не хватит, пугливый и кроткий. У бояр на смётке: помрет Павел, уж как под Петром будет вольготно — каждый сам себе князь!

Петр всякий день приходил к Павлу. Жили они в честь прославленным в русской земле братьям Борису и Глебу. От Павла к Ольге проведать. На тихость Петра глаза Ольги яснили, как при встрече с Лаской.

Перемену Петр заметил, но не смел спросить. А Ольга и Павел перед братом таились.

Когда узнал Павел тайну Змеиной смерти: «от Петрова плеча, Агрикова меча» — его поразило имя брата, и он открылся Петру.

— Я убью его! вскрикнул Петр: не узнать было его голоса: решимость и отвага не по плечу: он поднял руку клятвой и гнев заострил ее мечом.

Но где ему найти меч.

* * *

На выносе Креста, Петр стоял у праздника в Воздвиженском монастыре. Агриков меч неотступно подымался в его глазах, как подымали крест — в широту и долготу креста. Его воля защитить брата подымала его вместе с крестом над землей высоко.

Всенощная кончилась. Пустая церковь. А Петр стянутый крестным обручем, один стоял у креста: «Агриков меч» вышептывали его смякшие губы — «дай мне этот меч! пошли мне этот меч!» — и рука подымалась мечом: «Агриков меч!».

И погасили свечи и последние монашки черными змеями расползлись из церкви. Сумрак окутал церковь глубже ночи и цветы от креста с аналоя дохнули резче и воздух огустил цветами.

Взрыв света ударил в глаза — Петр очнулся: с амвона Ласка со свечей и манит его. И он пошел на свет.

— Я покажу тебе Агриков меч, сказал Ласка, иди за мной! — и повел Петра в алтарь.

И когда они вошли в алтарь Ласка поднял высоко над головой свечу: — Гляди сюда, он показал на стену, ничего не видишь?

В алтарной стене между кереметей из щели торчало железо. Петр протянул руку и в руке его оказался меч; на рукоятке висела ржавь и липло к пальцам — кривой кладенец.

Это и был Агриков меч.

* * *

Не расставаясь с мечом, Петр провел ночь у монастырских стен: домой боялся, было подем итти — отымут. Осенняя ночь серебром рассыпанных осколков свежестью светила земле, а ему было жарко: Змей жег его — как и где подкараулить Змея? И на воле не находя себе места, он прятался за башни, глядя из скрыти на кольчатую ночь — не ночь, а Змея. Только синия заря развеяла призрак и благовест окликнул его: мерным поря «к нам!».

* * *

Не помнит как выстоял утреню, часы и обедню. Никаких песнопений — в ушах шипело, и глаза — черные гвозди, еще бы, всем в диво, князь Петр, в руке меч, — искал Ласку, одни черные гвозди. Зубами прижался к золотому холодному кресту и обожженный вышел.

* * *

Павел только что вернулся из Собора, когда вошел к нему Петр с находкой.

— Агриков, сказал Петр, кладя меч перед братом.

Павел недоверчиво посмотрел на ржавое оружие.

— Где ты его достал?

— Агриков, повторил Петр.

И оставив меч у брата, вышел — по обычаю поздороваться с Ольгой.

Не задерживаясь со встречными и не заглядывая в боковушу, Петр вошел к Ольге. И что его поразило: Ольга была не одна: с ней сидел Павел.

Петр поклонился ей, но она ему не ответила, в ее глазах стояли слезы, но она не плакала, а улыбалась, пристукивая каблуком: то-то заговорит пе-

сенным ладом, то ли закружится в плясе. Такой ее Петр не видал. И как случилось, что с ней Павел, которого он только что оставил? Или Павел обогнал его?

Таясь Петр вышел.

Навстречу один из слуг Павла. Петр остановил его.

— Брат у себя?

— Князь никуда не выходил.

— Тише! погрозил Петр, не спугнуть бы! и сам поднялся на цыпочки: он вдруг все понял.

Павел сидел у себя и рассматривал диковинный меч.

— Ты никуда не выходил?

— Никуда! — не отрываясь от меча, ответил Павел.

— Но как могло случиться, а я тебя только что видел с Ольгой.

— Ты меня видел?

— Он сидит с ней. Он знает свою смерть — Петр показал на меч — он нарочно обернулся тобой: я не трону. Дай мне меч, а ты останься.

— Осторожно! — Павел подавая меч, — расколоться может.

С обнаженным мечом Петр вышел от Павла.

Крадучись — не спугнуть бы! — подошел к дверям Ольги. Не предупредя, переступил порог.

В его глазах Ольга и с ней Павел. Задохнувшись, подошел ближе. И оглянул. Нет, это не чудится: это Павел! И странно: сквозь Павла видит он окно, в окне золотая береза. И догадался: огонь! — огненный Змей.

Они сидели тесно: губы его вздрагивали, а она улыбалась.

Петр подошел еще ближе и ноги его коснулись ее ног. Вскрикнув поднялась она — и вслед за ней поднялся Павел.

В глазах Петра резко золотилось и он сам поднялся в золотом вихре и ударил мечом по голове Змея.

Кровью брызнул огонь — сквозь огненный туман он видел как Павел, содрогнувшись, склонился к земле, орошая кровью Ольгу и Ольга, как и Павел, склонясь, клевала землю.

Петру мерещилось кольчато-коровое ползет на него, душит грозя и он махал мечом, пока не разлетелся меч на куски и куском железа его очнуло.

Со Змеем покончено — в мече нет нужды: Агриков меч отошел в богатырскую память.

* * *

Муромский летописец запишет, теперь всем известно: жена князя Павла Ольга, к которой прилетал огненный летучий Змей, захлебнулась змеиной кровью, а князь Петр, змеборец, от брызнувшей на него крови весь оволдырил, как от ожога.

Говорили, что волдыри пошли по телу от испугу, и от испугу саданул Петр Ольгу. Так думал и Павел, но брату не выговаривал «чего, де бабу укокошил», как между бояр говорилось с подмигом. Павел был доволен, что Петру она под руку попала: какая она ему жена — змеиная!

За Петром осталось: змеборец. Так он и сам о себе думал, терпеливо перенося свою телесную скорбь — безобразия: исцарапанный, скривя шею и корча ноги, скрехча зубами, лежал он, на его груди горел струпный крест, жигучий пояс стягивал его, и глаза и рот разъедала ползучая сыпь — кости хрястают, суставы трескочут.

Муромские ворожеи, кого только ни спрашивали, ни шопотом, ни духом, ни мазью, ни зельем не помогли, хуже: спина и ноги острупели и зуд соскреб сон. От слабости стало и на ноги не подняться.

Тут и говорят, что в рязанской земле водятся колдуны старше муромских: везите в Рязань.

А говорил это Ласка — кому еще знать.

И решили везти Петра в Рязань: почему не попробовать — рязанские колдуны, на них и посмотреть страшно найдут жильное слово заоблачно и поддонное — шаманы!

II

Петр на коне не сидит, его везли. Путь не веселый: и больному тяжело и людям обуздно. Недалеко от Муром в Переяславле решили остановиться и попытаться счастье.

Приближенные Петра разбрелись по городу, выведывая есть ли где колдуны лечить князя. Гридя, княжеский отрок, в городе не задержался, вышел за заставу и попал в подгороднее Ласково.

От дома к дому. Видит, калитка у ворот стоит раскрытая, он во двор. Никто его не окликает. Он в дом. Приоткрыл дверь и вошел в горницу. И видит за столом сидит девка — ткет полотно, а перед ней скачет заяц. Он на зайца взарился: диковинно такой заяц — усами ворочит, не боится, скачет. А девка бросила ткать и прихорашивается: экий вперся какой серебряный.

То-то хорошо, сказала она с досадой, коли двор без ушей, а дом без очей.

Гридя оглупело глазел то на нее, то на зайца.

— Старше есть кто? робко спросил он.

— Отец и мать пошли плакать в заём, говорила она, с любонитством оглядывая дорогое платье заброжего гостя, а брат ушел через ноги глядеть к навам.

— К навам, повторил растерянно Гридя, загадки загадываешь.

— А ты чего не спросясь влез, строго сказала она, а будь во дворе пёс, слышит шаги, залаял бы, а будь в доме прислуга, увидит, что кто-то вошел и предупредит: — вот тебе про уши и про глаза дому. А отец и мать пошли на кладбище, будут плакать о умершем, эти слезы их — заёмные: в свой черед и о них поплачут. А брат в лес ушел, мы бортики, древолазы: полезешь на дерево за медом, гляди себе под ноги, скувырнешься — не полнаться и угодишь к навам.

— К навам, повторил Гридя, к мертвым. И подумал: «не простая!». А как тебя звать?

— Февронья.

«И имя замысловатое, подумал Гридя, Февронья!». Я муромский, служу у князя, и он показал на гривну — серебряное ожерелье — приехал с князем: князь болен: весь в сыпи.

— Это который: змеборец?

— Петр Агриковым отсек голову огненному летучему Змею и острупел от его змеиной крови. Наши муромские помочь не могут, говорят у вас большие ведуны. А звать как не знаем и где найти?

— А если бы кто потребовал к себе твоего князя, мог бы вылечить его.

— Что ты говоришь: «если кто потребует князя моего себе...». Тот, кто вылечит, получит от князя большую награду. Скажи имя этого ведуна и где его найти.

— Да ты приведи князя твоего сюда. Если будет кроток и со смирением в ответах, будет здоров. Передай это князю.

И как говорила она в ее словах была такая кротость, как у Ласки, и улыбнулась. Гриде стало весело: князя Петра его приближенные любили за кротость.

С каким запыхавшимся восторгом, как дети, рассказывал Гридя Петру о Февронии какая она, среди боярынь ни одна с ней не ровня, и о загадках и о зайце — заяц на прощанье пригладил себе уши, ровно б шапку снял, — будешь здоров, сказал Гридя, повторяя слова Февронии о кротости и смирении.

Петр велел везти себя в Ласково.

В Ласкове послал Петр Гридю и других отроков к Февронии: пусть скажет к какому волхву обратиться — вылечит, получит большую награду.

Феврония твердо сказала:

— Я и есть этот волхв, награды мне не надо, ни золота, ни имени. Вот мое слово: вылечу, пусть женится на мне.

Гридя не понял скрытое за словами испытание воли; ничего неожиданного не показалось ему в этом слове.

С тем же восторгом он передал слово князю.

«Как это возможно князю, взять себе в жены дочь бортника!» мелькнула поперечная мысль, но он был так слаб и страдал.

— Поди и передай Февронии, я на все согласен, пусть скажет что делать.

И когда Гридя передал Февронии: «князь на все согласен», Феврония зачерпнула из квашни в туйс «шептала» и подув, дала туйс Гриде.

— Приготовьте князю баню и пускай помажет себе тело где струпья, весь вымажется — и подумав, нет, один струп пусть оставит, не мажет.

У Гриди и мысли не было спрашивать почему, он смотрел на Февронию беспрекословно, а заяц ему погрозил ухом.

— Да не уроню, сказал Гридя, в обеих руках держа туйс и осторожно вышел.

Пока готовилась баня, все отроки и слуги собрались у князя. Всех занимал рассказ Гриди о Февронии, ее колдовстве, о зайце, о птицах — птицы перепархивали в воображении Гриди — а больше всего ее загадки. Уверенность что князь поправится улыбнула и заботливую сурь и сам Петр повеселел.

«Да чего бы такое придумать, сказал Гридя, она все может. Давайте испытываем».

Я придумал, сказал Петр и велел подать ему прядку льну. И, передавая Гриде, сказал:

— Отнеси ей и пусть она, пока буду в бане, соткет мне из этой прядки сорочку, порты и полотенце.

Феврония удивилась увидя Гридю.

А он весь сиял: то-то будет. И положив перед ней на стол прядку льну, повторил слова князя.

— Хорошо, сказала Феврония, ты подымись-ка на печь, сними с гряд полено и сюда мне.

Гридя снял полено и положил перед ней на лавку. Она оглянув, отмерила кусок.

— Отруби.

Гридя взял топор и отрубил меру.

— Возьми этот обрубок, сказала Феврония и скажи князю: за тот срок, как очешу прядку, пусть сделает мне станок, было б мне соткать ему сорочку, порты и полотенце.

Зайцем выскочил Гридя. А там ждут. Положил перед Петром обрубок, как перед Февронией прядку: изволь станок смастерить, пока она очешет лён.

— Что за вздор, сказал Петр, повертев обрубок, да нешто можно за такой час сделать станок.

Но кому ж не понять, что не меньший вздор и Петрова задача: соткать ему из прядки за банный час сорочку, порты и полотенце. И Петр дивился не столько мудрости Февронии, сколько уразумев свою глупость.

Балагурия, с одним именем Февронья — в ее мудрость^а у всех на глазах — приближенные Петра пошли в баню, а Петра несли на носилках.

Все было, как полагается: Петра вымыли, выпарили и на полок подымали и с парным венником выпрыскали, потом положили в предбаннике и прохладя квасом и мочеными яблоками, все тело и лицо и руки вымазали наговорным.

Но где какую болячку оставить без маза? Решили ту, где будет незаметно. А чего незаметней задничного места. Спросить было у Февронии, да понадеялись на очевидность и оставили заразу на этом месте.

Ночь Петр провел спокойно — ему только пить давали: морила жажда. Или это гасло змеиное пламя. На утро он поднялся легко. Тело не зудит — очистилось, и лицо чистое и руки чисты — не узнать.

Пронесло беду. Казалось бы, надо исполнить слово Февроньи. Но как всегда бывает, когда наступает расплата, человек возьмет на себя что полегче и пожертвует тебе, что непужно или то, добытое без труда.

Покидая Ласково, Петр послал Февроньи подарок — благодарность: золото и жемчуг. Она не приняла. Молча рукой отстранила она от себя драгоценности, а на губах ее была печаль: «несчастный!».

На коне вернулся Петр в Муром.

На Петра диву давались: вот что может колдовство: пропадал человек, а гляди, не найдешь ни пятнышка. Чист, как перо голубя.

Шла слава на Руси: есть ведьмы киевские и ведьмы муромские, а бортничиха Феврония больше всех. Имя Феврония вошло с Петром в Муром, и отозвалось, как имя Ласка, недаром и село ее зовется Ласково.

Петра поздравляли. В Соборе отслужили молебен. В Кремнике у Павла был пир в честь брата-змееборца.

Началось с пустяков: кольнуло. Не обратил внимания. Потом чешется, это хуже. А на утро смотрит: а от непомазанного вереда ровно б цепочка. Думали от седла. А про какое седло, на лице выскочил волдырь. Начинать с начала.

Петр с педелью терпел, поминал имя Феврония, вишился — да ведь раскаяние что изменит? — «Согрешилъ, покаешься и спасешься!» — ^бкакой это хитрец, лъстя злодеям, ляпнул?^в Грех не искупаем. И только воля пострадавшего властна.

Петра повели в Ласково.

Неласково встретила Феврония. Сдерживая гнев, она повторила свое слово. Петр поклялся. И опять его повели в баню и на этот раз всего вымазали. И на утро поднялся чист.

Ласковский по обвенчал Петра и Февронию. И Петр вернулся в Муром счастливый.

^а Так в машинописном тексте.

^{б-в} В машинописном тексте эта фраза надписана над строкой рукой А. М. Ремизова вместо зачеркнутого воистину, более живого и бессовестного не придумаешь.

* * *

Пока жив был Павел, все шло ничего, женитьбу Петра на бортничихе спускали. Но после смерти Павла, когда Петр стал муромским князем, поднялся ропот: «женился на ведьме!».

Всякому било в глаза, по кличке Петр муромский князь, а княжит над Муромом «ведьма». И не будь Февронии, все было б по «нашему»: Змееборда живо б к рукам прибрали: по душе ему с Лаской сказки сказывать, а не городом править. Разлучить Петра с Февронией другого нет выхода.

В городе Феврония княгиня, в доме хозяйка. Что плохо лежит само в руки лезет — на княжем дворе всякая вещь на своем месте, хапуну осечка: известно, бортничиха, не господский как — попал. Порядок спор, но и тесен.

Слуги поворачивали. И чтобы душу себе встряхнуть стали Петру наговаривать.

Стольничий, старый слуга, с подобострастным сокрушением, порицал Февронию: не знает чину — из-за стола поминутно вскакивает, без порядку хлеб ест, а тарелка стынет.

— И что за повадка: по обеде поклон положить забудет, а крошки со скатерти до чиста все соберет, и чего для? Ровно нехватка в чем, или в обрыз?

За наговариванием — подозрительное любопытство.

Обедали врозь, каждый у себя. Петр велел подать два прибора и сесть Февронии с ним. И замечает. Да ничего особенного, Ласка до сих пор не научилась, ест без вилки пальцами, а Феврония ровню б с детства за княжеским столом обедала. Но когда оставалось только лоб перекрестить, она поднялась и стала собирать со скатерти крошки. И Петр поднялся и за руку ее, развел ей пальцы.

— Что ж мы нищие? сказал он с упреком и взглянув отдернул руку: на ее ладони не крошки, дымился ладап.

И вся столовая наполнилась благоуханием, ровно б поп окадил. Или это улыбка ее расцвела цветами и из глаз, таких напоенных, зрелых, источался аромат.

— Нет, наша доля мы слишком богатые, сказала она.

Петр не знал куда девать глаз от стыда: и как он мог что-то подумать. И с этих пор что бы ему ни наговаривали на Февронию его не смущало: вера в человека гасит всякое подозрение легко и открыто и самое загадочное и непонятное.

* * *

Бояре свое думали — каждым годом власть Февронии сказывалась до мелочей, до «хлебных крошек» княжества, негде рук погреть, не люди, рабы. И как устранить Февронию. И бабы бунтуют: первое место бортничиха и им, природным, кланяться и подчиняться — не желаем. И пилили мужей: глаза де пялят на Февронию и мирволят.

Осточертснелые бояре ворвались к Петру в Кремник.

— Слушай Петр! Ты наш змееборец! Рады служить тебе за совессть. Убери княгиню: Февронию не желаем. И мудровать над нашими женами не позволим. Пускай берет себе, что ей любо, казны не пожалеем, и идет куда хочет: в Муроме ей не место.

Петр не крикнул, «вон»! Он вдруг почувствовал себя таким ничтожным перед навалившейся на него силой и беззащитным и, тише чем обычно, ответил:

— Я не знаю, спросите ее. И как она хочет.

И у бояр кулаки разжались: изволь, хвастай умом, хорош! — сами ж говорили: Петр брат его не Павел, из змеборца хоть веревки вей, и покажи как на Павла: решай. Будь Петр один, другое дело, но за такой стеной, не устоит и кремник.

Со стыдом разошлись бояре.

«Поговорите с ней!». А ты попробуй, она тебе ответит. Головоломная задача.

А бабы ноют — а это пожечше: по-морде-в-зубы — у каждой одна песня Февронья. Сами-то сказать ей в лицо не смеют, боятся, ведьма, а ты за них отдувайся — извели. И надумали бояре порешить хитро и разом.

* * *

В Городовой избе просторной, как княжеский двор, всем городом устроен был пир. Пригласили князя Петра и Февронию — честь за главным столом первое место.

Ели и пили чинно. А как хмель распустился в свой цвет, спряталась робь, голос окреп, залаяли псами. Друг друга подталкивают. Хороводились.

И прорвало:

— От имени города Мурома, поднялся бахвал к Февронии и все поднялись и пошли, как боровы — исполни, что мы тебя попросим.

И Феврония поднялась, она все поняла, но спокойна.

— Слушаю, отвечает Феврония, я рада все исполнить.

— Хотим князя Петра, отчеканил ободренный согласием Февронии. смельчак. Петр победил Змея, пусть Змееборец правит нами, а тебя наши жены не хотят. Не желают под твоей волей ходить. Возьми себе добра и золота, сколько хочешь и иди куда хочешь.

— Хорошо, я исполню ваше желание и жен ваших, я уйду. Но и вы исполните чего я попрошу у вас.

— Даем тебе слово без перекура, все исполним! загалдели враз.

— Ничего мне не надо, никакой вашей казны. Об одном прошу, дайте мне князя Петра.

Переглянулись.

И в один зык подвздохом:

— Бери.

У каждого прошло: «поставят нового князя и таким князем буду я»

Петр поднялся.

— В законе сказано: кто отпустит жену, не уличив в прелюбодействе, а сам возьмет другую, прелюбодействует. Мне с Февронией с чего расставаться!

— Согласны! рывком ответили бояре, ступай с ней.

Феврония вышла из-за стола, собрала со стола крошки. Зажав в горсти, вышла на середку. И подбросила высоко над головой — хряснув посыпалась дождем драгоценности — золото, серебро, камни, украшения.

— Вашим женам, пускай себе великанются. А вам — глаза ее вдруг вспыхнули, загорелись и горели, не переглядеть и рысь зажмурится, не солнечный огонь, а преисподний огонь: будьте вы прокляты! Не болить вам, не мнить.

Она взяла Петра за руку. И они покинули пир.

* * *

Нагруженные муромским добром плыли суда по Оке — путь на Волгу в Болгары. Петр и Феврония покинули Муром, плывут искать новые места

Долго будет, белыми церквями провожая, глядеть вслед им родной город. И за синей землей дремучих лесов скрылся.

В нежарком луче перетолкались толкачики. Зашло солнце. С реки потянуло сыростью.

Ночь решили провести на берегу.

И раздумался Петр: хорошо ли он сделал — покинул родной город? И из-за чего? И с упреком посмотрел на Февронию.

— Не ропщи, сказала Феврония, она без слов поняла, будем жить лучше прежнего, ты увидишь.

Петр не мог не поверить — в голосе Февронии была ясность. Но точащее сожале. не оставяло: «Если бы вернуться!».

На рогатках из крепких ветвей укрепленных в землю, подвешен был котелок на ужин.

— Смотри, эти сухие ветви, сказала Феврония, а на утро, ты увидишь, вырастут из них деревья, зазеленеют листья! — и она, осеня дымящиеся от пара черные рогатки, что-то шептала и дула.

Ночь пришла, не глядя, темная как лес, колыбеля сном без сновидения. Или такое бывает, когда всю душу встряхнет — все двери захлопнуты: без памяти — мрак.

Утро пробудило надеждой и первое что заметил Петр, и это как во сне, на том месте где укреплены были рогатки и висел котелок, перебежали люди и что-то показывали, кивая головой. Петр подошел поближе. И это было как сон и всем как будто снится, так чудесно и не бывало: за ночь сухие ветви ожили покрылись листьями и поднимаются зелеными деревьями над котелком.

«Так будет и с нами?» подумал Петр и посмотрел на Февронию.

И она ему ответила улыбкой, с какой встречают напуганных детей.

И когда стали погружаться на суда плыть дальше, видят на реке показалась лодка, белые весла, поблескивая на солнце, руками машет — или стая за бедой не могут или не успеет бояться.

— Да это никак с Мурома? — Так и есть: причалила лодка, вышел боярин, шапку долой, низко поклонился.

— Я от города Муром, с трудом передохнув, проговорил он оборотясь к Петру, и всех бояр кто еще на ногах и голова уцелела. Стало вам скрыться с глаз, как в городе поднялся мятеж: всяк назвался муромским князем и знать ничего не хочет: сколько дурьих голов, столько и шалых поволу. В драке не мало погубили народу, да и сами погибли. В городе лавки в щепы, дома глядят сорванными с петель дверьми, в Кремнике нет не окровавленного камня. Ласку укокошили, зверь не трогал, а человеку под руку попался и готов. Вернись, утиши бурю! Будем служить тебе! И, обратясь к Февронии, еще ниже поклонился — прости нас и баб наших, вернись!

Вот оно где чудо, какой чудесный день — у Петра все мешалось и не было слов на ответ. Феврония приказала судам повернуть домой — в Муром.

III

Повесть кончена. Остается загадка жизни: неразлучная любовь — Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Петр и Феврония.

Петр управлял Муромом нераздельно с Февронией. Про это запишут, как о счастливом годе, время Муромского княжества, канун Батыя.

Сроки жизни наступали.

Петр постригся в монахи, приняв имя Давид, и оканчивал дни в городском Богоявленском монастыре. Феврония под именем Ефросиния

за городом у Воздвиженья, где в алтарной стене замурован был Агриков меч.

Расставаясь, Феврония сказала: Смерть придет за тобой и за мной в один час.

Петр в своей келье ничего не делал, он не мог, и своей тоской заторопил срок. Ему показалось, в окно заглянула Ольга и манит его: он освободил ее, теперь ее черед. Так он это понял и послал Февронии сказать:

— Чувствую конец, приди и вместе оставим землю.

Феврония вышивала воздух: деревья, травы, цветы, птицы, звери и среди них любимый Заяц — они по шелковинке каждый брал себе ее тоску.

— Подожди немного, ответила она, дай кончу.

Но час не остановишь, срок не меняется. И чувствуя холод — самое лето, а мороз! — он и во второй раз послал.

— Последние минуты. Жду тебя.

Но ей еще остались пустяки — вынитить усы зайцу.

— Подожди.

И в третий раз посылает:

— Не жду, там — —

Она воткнула иголку в воздух — пусть окончат.

— Иду.

И душа ее в цветах и травах, вышла за ограду встречу другой неразлучной, вышедшей в тот же час за ограду.

25 июня 1228 года
на русской земле.

Еще при жизни у Рожества в Соборе Петр соорудил саркофаг, высечен из камня с перегородкой для двоих:

«Тут нас и положите обоих», завещал он.

Люди ршили по своему: князю с бортничихой лежать не вместе, да и в иноческом чине мужу с женой не полагается.

Саркофаг в Соборе оставили пустым, Петра похоронили в Соборе, а Февронию особо у Воздвиженья.

С вечера в день похорон поднялась над Муромом гроза. И к полночи загремело. Дорога до города из Воздвиженья вшибь и выворачивало — неуспокоенная, выбила Феврония крышку гроба, поднялась грозой и летела в Собор к Петру. Пыхавшая молния освещала ей путь, белый огонь выбивался из-под туго сжатых век и губы ее дрожали от немевших слов проклятия.

На утро в Соборе гроб Петра нашли с развороченной крышкой пустой и у Воздвиженья тела Февронии не было.

Петр и Феврония лежали в Соборе в саркофаге рядом без перегородки.

И всякий раз на Москве, в день их смерти, Петра и Февронии, на литии лебедь-колокол разносил весть из Кремля по русской земле о неразлучной любви, человеческой воле и нерасторжимой.